

Сергей Шаповалов

**Дорогами илархов. Книга
вторая. Персидский поход**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Дорогами илархов. Книга вторая. Персидский поход /
Шаповалов С. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 340
с.

ISBN 978-5-532-99713-4

Перед вами захватывающий исторический роман о великом Персидском походе Александра Великого. Но не он главный герой романа. Герои – простые воины: честные, бесстрашные, знающие цену настоящей дружбы, которую невозможно измерить золотом. Их ждут опасные приключения. Судьба порой ставит их перед жестоким выбором. Но настоящие ксаи всегда выходят из битвы победителями.

ISBN 978-5-532-99713-4

© Шаповалов С. А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Дорога пятая	4
Искандер	4
Непокорный город Тир	64
Газа	121
Дорога шестая	135
Мемфис	135
Оазис Амона	157
Дорога седьмая	177
Снова в Тир	177
Сестра Мелькарта	193
Перед решающей битвой	204
Дорога восьмая	251
Вавилон	251
Персеполь	289
Последняя правитель Великой Персии	318
Дорога девятая	329
Домой	329
Вместо эпилога	340

Дорога пятая

Армия Македонии

Искандер

Исмен и Томирис под конвоем македонских всадников подъехали к опустевшему лагерю персов. Тишина и безлюдье. Ветер носился между осиротевших шатров, закручивая вихри серой пыли, трепал пологи, таскал по земле какие-то грязные тряпки.

Кругом беспорядок. Персы покидали лагерь в панике. Сперва старались захватить самое ценное, но потом и это бросали. У въезда лежала опрокинутая на бок повозка. Кувшины, сундуки – все вывалилось. Еще несколько распряженных возов, кое-как нагруженных доверху добром, сбились в кучу. Постромки на дышле перерезаны или грубо оборваны. Удиравшие персы отвязали лошадей и ускакали, побросав все.

Где раньше располагалась кухня, царил хаос. Валялись перевернутые жаровни. Темнели на земле лужи масла, посреди которых, как острова, торчали останки разбитых кувшинов. Рассыпались овощи из упавших корзин. Только мешки с зерном по-прежнему продолжали лежать ровной стопкой.

В центре лагеря, в окружении покинутых роскошных шатров военачальников остался стоять огромный желтый купол покоев правителя. Флаги с крылатым солнцем тоскливо трепетали на ветру. Неугасающий огонь еще теплится в чаше алтаря, возвышавшейся на прямоугольном постаменте из белого мрамора. Но ни надменных слуг, ни грозных охранников...

Пленников заставили слезть с коней и усадили возле шатра Дараяуша. Вскоре в лагере появились щитоносцы, вооруженные короткими копьями и круглыми гоплонами. Они заглядывали в палатки и шатры, вытаскивали женщин, прислугу, не успевших удрать или попросту брошенных своими хозяевами. Всех пленников сгоняли к

загону для лошадей. Женщины выли, слуги молили о пощаде. Но щитоносцы все делали безмолвно, безразличные к слезам и мольбам.

Усталые пехотинцы входили в лагерь, неся на плечах длиннющие сариссы. Некоторые тут же валялись на землю в изнеможении. Раненых приносили товарищи и осторожно укладывали на расстеленные плащи. Раненые стонали, иногда вскрикивали, когда лекари приступали к осмотру. Мимо Исмена и Томирис провели шеренгу понурых, ободренных пленных кардаков.

– Почему ты не ушла с остальными? – с упреком спросил Исмен.

– У Кольцо-Горы мы клялись умереть вместе. А ты один решил, – огрызнулась Томирис. Крикнула громко охраннику: – Эй, я пить хочу.

Македонянин зыркнул зло на нее сквозь прорези маски шлема и отвернулся. Исмен подобрал камушек, швырнула в щитоносца. Снаряд звонко стукнулся о шлем. Гоплит никак не отреагировал.

– Вот это – дрессировка! – удивилась девушка.

Напротив, расселись прямо на голую землю несколько лучников. Кувшин с водой пошел по кругу. Воины жадно пили. Вода струйками стекала из уголков рта на включенные бороды, бежала по жилистым грязным шеем. Тела лоснились от пота. Короткие красные туники с открытым правым плечом пестрели рыжими пятнами крови.

– Аримах где? – забеспокоился один из лучников. – Кто-нибудь его видел?

– Жив он, – безразлично ответили ему. – Погнался за персами. Сам-то чего не побегал? Пару пленных бы привел.

– Мне в колено камнем с пращи попали. – Он показал посиневшую ногу. – Пока в горячке – еще хожу. Завтра наступить невозможно будет.

– Колено, – презрительно фыркнул лучник невысокого роста с короткой шеей и небольшими, но сильными руками. – Андроника, видел? Его конем придавило. Еле вытащили. Иначе растоптали бы.

– А Сатара копьем в лицо ударили, – мрачно сообщил кто-то. – Я сам видел.

– О! Обозные крысы пришли, – с презрением воскликнул воин с разбитым коленом. – Надо вина у них попросить.

– Не дадут. Пока всю добычу не переписут, вина не дадут, – безнадёжно махнул рукой его товарищ.

Шустрые юноши, именуемые «обозными крысами», обшаривали шатры, выносили ценности, оружие, одежду. Все складывали порядком в одном месте. Несколько писцов осматривали трофеи, скрябали палочками по дощечкам, покрытых глиной. За всей работой с важным видом следил старший грамотей¹.

Подъехали несколько всадников. Один из них крикнул сидевшим лучникам:

– Помогите!

Те вскочили, осторожно сняли с коня воина и уложили на плащ. У раненого из плеча торчала стрела Томирис.

– Это же Неарх, – воскликнул воин с разбитым коленом.

– Неарх, – подтвердил его товарищ. – Лекаря сюда! Скорее!

Подбежал сухопарый старичок, склонился над несчастным, попробовал вынуть стрелу. Раненый взвыл.

– Александр! – прокатился по лагерю радостный крик. – Слава Александру!

Кавалькада на взмыленных лошадях неслась меж шатров, поднимая пыль. Белые плащи с золотым узором по кайме, грязные, изодранные. Из льняных доспехов топорщилась клочьями рваная материя. Небольшие куполообразные беотийские шлемы с вмятинами. Плюмажи из конских волос на макушках растрепаны. Их возглавлял невысокий коренастый юноша без шлема на высоком белом скакуне. На вид ему можно было дать лет двадцать. Молодое, гладко выбритое, волевое лицо выглядело усталым, но счастливым. Светлые кудри до плеч развивались от быстрой скачки. Всадники остановились у шатра Дараявуша. Все воины вокруг дружно кричали, сотрясая оружием:

– Александр! Победитель!

¹ Грамотей – должность в армии, род архивариуса или коптенармуса.

Ему помогли слезть с коня. Юноша поморщился от боли, ступая на раненую ногу. На бедре зиял глубокий порез.

– Лекаря! – крикнул один из телохранителей.

– Не надо, – остановил его юноша. – У меня пустяковая рана.

– Александр, но у тебя течет кровь, – не унимался телохранитель.

– Конечно – кровь. А ты думал белая ароматная жидкость, как у богов? – усмехнулся он.

Александр встал на колени возле одного из раненых, осмотрел разбитую голову.

– Апелекс из первой таксы, – узнал он воина.

– Да, гегемон, – слабо прохрипел раненый.

– Я помню тебя. Ты служил еще моему отцу Филиппу и сражался при Херонее. Как же тебя ранили?

– Эллинские гоплиты просочились в разомкнутый строй, когда мы преодолели реку. Меня подло ударили мечом сзади.

– Поправляйся. Ты нужен мне. Кто поведет в бой молодых, фалангистов?

Он подошел к другому лежавшему воину. Помог лекарю снять льняной панцирь с груди раненого.

– Авромах. Ты опять полез в самую гущу. Даже я с другого фланга слышал твой львиный рык, когда ты кидался на вражеские копья.

– Не хочу отставать от тебя, гегемон. Ты же не щадишь себя.

– Тебя ждет достойная награда. Только не вздумай долго хворать. Ты мне нужен.

Он осмотрел третьего воина. Но раненый находился без сознания. Лекарь обреченно пожал плечами.

– Дайте мне монету в один обол, – попросил Александр у товарищей. Ему протянули монету. Он осторожно разжал зубы несчастному и вложил медный кругляшек в рот. – Пусть Харон² благополучно перевезет тебя на другой берег.

² Харон (др.-греч. *Χάρων* – «яркий») в греческой мифологии – перевозчик душ умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в Аид (подземное царство мертвых). Сын Эреба и Никты. Изображался мрачным старцем в рубище. Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату (навлон) в один обол (по погребальному обряду находящийся у покойников под языком). Он перевозит только тех умерших, чьи

В это время старик лекарь все еще пытался вынуть стрелу Томирис. Его подопечный рычал, вскрикивал, изгибаясь всем телом.

– Филипп, ты мне Неарха так калеккой сделаешь, – остановил его Александр.

– Прости, гегемон, – развел руками лекарь. – Я мастер готовить снадобья, вправлять кости, пускать кровь, но стрелы вынимать у меня плохо получается.

– Дай, посмотрю. – Александр растолкал всех и наклонился над раненым. – Два острых ножа и щипцы, – приказал он. – Филипп, раздвигай ножами рану. Вот так. – Раненый зарычал. – Потерпи, Неарх. Сейчас выну занозу.

Раненый громко застонал, выгнулся.

– Все! – успокоил его юноша. Он внимательно осмотрел почерневший от крови наконечник, присвистнул: – Трехгранный. Это не персидская стрела.

– Скифская, – подсказал кто-то.

В дальнем конце лагеря поднялся крик. Несколько конюхов пытались сдержать взбесившегося коня. Цырду не понравилось, что его разлучили с хозяином. Он разметал конюхов, и понесся по лагерю, грозя растоптать раненых. Щитonosцы попробовали его отогнать, но конь развернулся и саданул одному из них в грудь задними копытами. Воин, крикнув, отлетел шагов на пять и растянулся на земле. Цырда поскакал дальше, вставал на дыбы, лягался.

– Да уймите же его, – закричал Александр. – Покалечит кого-нибудь сейчас.

Один из щитonosцев замахнулся копьем.

– Не надо! – дико заорал Исмен.

Он вскочил и бросился к коню. Охранник попытался его удержать, но Исмен увернулся, проскочив между рук. Подбежал к Цырду и вцепился ему в шею.

– Стой, Цырда! Тише! Мой хороший. Это я. Успокойся, – ласково уговаривал его Исмен.

кости обрели покой в могиле. Только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти. Ни при каких условиях обратно не переходит.

Конь постепенно присмирел, тяжело храпел и ластился к хозяину, жалуясь.

– Мальчик и конь, – задумчиво произнес Александр. – Гефестион, тебе это что-то напоминает?

– Еще бы! – воскликнул высокий красивый юноша, снимая помятый беотийский шлем с головы. – Только, мальчишка на тебя не похож, а, вот, конь – вылитый Буцефал.

– Кто он?

– Скиф, – сказал воин в черных доспехах. – У Дария есть отряд массагетов. Мальчишку схватили, когда он прикрывал отход. Представляешь, бился как лев. Из-за него пэоны упустили вражеских всадников.

– Вот этот дохлый воробей остановил пэонов? – не поверил Александр. – Сколько ему лет?

– Не успели спросить. Но этот птенчик двоих покалечил. Вот, и Неарха – тоже.

– Так это его стрела?

– Оставь ты эту стрелу. Смотри, что мальчишка носил на голове. – Он протянул гегемону шлем.

Александр очень внимательно осмотрел медный блестящий купол, погладил осторожно пальцами фигурку льва с женской головой.

– Клянусь Зевсом.., – удивленно вымолвил он. – Шлем, как у Афины Паллады?

– А ты помнишь, кто его заказал у лучшего афинского оружейника?

– Ты уверен? Это именно тот шлем?

– Абсолютно, – кивнул черный всадник. – Вот, надпись: С победой в Пеллу или с позором в землю.

– Мальчишку ко мне, – резко приказал гегемон.

Исмену позволили отвести Цырда в загон. После его повели к шатру Дария. Под пологом царило веселье. Витали пары вина, воняло потом, кровью и кожей. Македоняне, еще не сняв доспехи, праздновали победу. С удовольствием уничтожали винные запасы великого правителя Персии. На резном походном троне кшатры

устроился Александр с золотым кубком в руках. Перед ним на низком столике для угощений лежал шлем Исмена и стрела с черно-красным оперением.

– Смотри, Александр, какая огромная ванна, – кричал Гефестион, пытаюсь перекинуть ногу через край золотой купели.

– Не смей, свинья ты эдакая, – одернул его коренастый чернобородый воин. – Куда ты лезешь своими грязными ногами.

– Я хотел окунуться в купель Дария, – оправдывался Гефестион, все еще держа занесенную ногу над краем ванны.

– Теперь все здесь принадлежит Александру. И купель тоже – Александра. А ты без спроса суешь в нее свои вонючие конечности, – объяснил ему воин.

– Да тут столько ароматных масел! Целое состояние, – оставил он купель и принялся нюхать содержимое множества изящных керамических флакончиков, стоявших рядами на мраморном столике.

– Бери их все себе, – небрежно бросил Александр. – Теперь ты понял, что значит – быть правителем великой державы.

– А это кто прячется?

Гефестион обошел золотую купель и вытащил за шкурку пухлого маленького человека в длинной дорогой одежде. Тот прижимал к груди шкатулку черного дерева, украшенную серебром и драгоценными камнями.

– Что ты там держишь? Покажи! – приказал Гефестион.

Человек упал на колени перед Александром и протянул ему шкатулку.

– Что это? – удивился гегемон. – Говори.

– Не скажет, – взглянул на него Черный Клит. – Это евнух, мастер ароматных ванн. Обычно этим прислужникам, помимо мужского достоинства, еще отрезают языки, чтобы не болтали то, что случайно услышат. Похоже, в этой шкатулке хранится скипетр власти.

Александр отставил золотой кубок, взял из рук слуги шкатулку.

– Не открывай! – попытался остановить его Гефестион. – А вдруг, там змея.

Александр расхохотался: